

Два слова о Церкви

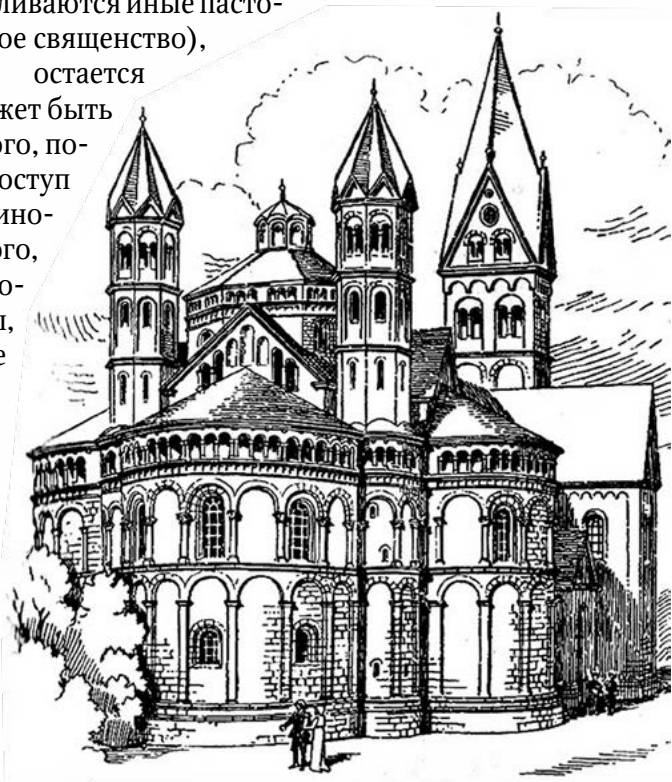
Омифатическая и апофатическая экклезиология

Сергей Градировский

Прекрасны символические ряды Писания, где встречаются россыпи образов Церкви. Остановимся на избранных иконах экклезиологического символического ряда. Скажем о подобиях.

Слово первое: о Той, что есть и пребудет

Церковь подобна стаду. У этого стада есть Пастырь. И даже когда при стаде устанавливаются иные пасторы (закрепляется сугубое священство), Подлинный Пастырь остается Один. Он Един и Он может быть лишь Один. И нет другого, потому что нет равного. Доступ к Слову и Благодати Единого Пастыря есть у каждого, кто в стаде. Каждый в состоянии напиться воды, после которой нет уже никакой жажды (см. Ин. 4:13-14). Каждый в силе предстать пред Единым в Его Слове за всех и каждого. Из полагания Единого Пастыря с определенностью выводится

требование "всеобщего священства". Оно – наша цель, наше чаяние, наша сила. Ведь мы ведаем, что грядет согласно слову: «И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня» (Евр 8:11). Это и есть всеобщее священство.

Церковь подобна собранному стаду, когда блуждающие каждый сам по себе, полагающиеся лишь на себя, держащие в себе, собираются под сенью навеса, выстроенного добрым господином земли: "Ибо вы были, как овцы блуждающие, но возвратились ныне к Пастырю и Блюстителю душ ваших" (1 Петр. 2:25). Церковь подводит черту под скитаниями, под одиночеством, под угрозой жизни. Потому Церковь есть "экклесия" – собрание собранных Собирателем душ. В этой собранности коренятся сила, надежда и победа.

Церковь подобна стаду в ограде, из которой ведет единственная дверь. Эта дверь – Сам Христос. Куда ведет эта дверь? К подлинной свободе, к изначальной вольнице на бескрайних вечнозеленых лугах, на которых уже нет заботы о сем дне¹ (см. притчи о лилиях полевых Лк. 12:27 и знаменитый Пс. 22:2 – "Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим"). Но откуда подлинная свобода остается чаением, в трудные времена проще тем, кто в ограде. Церковь, не отнимая свободы, дарует безопасность.

Церковь подобна овцам среди волков. Церковь заведомо слабее мира. Члены Церкви беззубы, они лишь имеют странную силу подставить вторую щеку. Когда говорящие от Церкви обнимают десна, они уже не от Церкви, но от стаи. Но слабая Цер-

¹ И пусть никого не пугает аналогия данного образа с античными Елисейскими полями и их парижским аналогом avenue des Champs-Élysées; воображение, желающее ограничить себя образами Писания, может представить и землю обетованную, и землю Гессем, и даже сады Эдема.

ковь имеет необъяснимую силу и потому с радостью слышит призыв: "Я посылаю вас, как овца среди волков" (Мф. 10:16), и слыша – идет во все края земли. Слабое побеждает сильное. Овца наследует Царство².

Церковь подобна урожаю. Иисус многократно говорил о семени, которому суждено умереть. Он сбивал с толку учеников, говоря, что Ему лучше уйти, чтобы пришел другой, чтобы Тот Другой завершил дело собирания избранных. Таким образом, Он доносил им мысль, что смерть Пастыря – ключевое событие в деле возникновения Церкви. Конечно, Воскресение здесь архиважно, но оказывается не менее важной и сама *смерть*, без которой не было бы Жертвы, не было бы Искупления, не было бы Воскресения, не было бы прихода Утешителя, не было бы Церкви. Поэтому день рождения Церкви приходится на Пятидесятницу, когда Сын, окончательно покинув землю, послал вместо себя Духа Утешающего, Того, Кто включился в сотрудничество с учениками (Ин. 14:16; 14:26). Вот и получается, что без смерти Сына-как-семени нет Церкви-как-урожая.

Церковь подобна ниве – Божьему полю (1Кор. 3:9). Зрелая, золотистая, тяжёлая, колосющаяся нива, просящаяся в руки жнецов. Нива, получившая столько заботы, ведь сказано еще устами псалмопевца: Ты "напоешь борозды ее, уравниваешь глыбы ее, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее" (Пс. 64:11). Церковь подобна ниве – кто-то сажает, кто-то поливает, кто-то пропальвает, кто-то удобряет, но выращивает Бог (1Кор. 3:6). Все делаем одно дело, – говорит апостол. Каждый получает вознаграждение. Мы ведь сотрудники учреждения Бога (3:8-9). Нива жаждет жатву. Она как Невеста томится в ожидании своего Жениха, в руке которого серп.

Церковь подобна сельскохозяйственной артели, число которой критично мало; но возрастет согласно слову: "жатвы много, а делателей мало; ... молитесь Господина жатвы, чтобы

² Оскорбительно звучит, особенно для тех, кто находится под влиянием идей Ницше. Но именно овца наследует Царство, ибо Царство Агнца. Это, конечно же, не подвлияет другой образ Христа и Его верных – образ Льва.

выслал делателей на жатву Свою" (Мф. 9:37-38). Артель, поющая Богу *аллилуйя* и *маранафа*, соберет, что сама не сеяла. Значит, артель умножится.

Церковь подобна винограднику. Иисус неоднократно настаивал, что Он – суть истинная лоза, а мы – ветви, а Отец – виноградарь: заботливый и беспощадный виноградарь, отсекающий тех, кто бесплоден, и ухаживающий, "очищающий" ту ветвь, что плодна, чтобы еще "более принесла плода" (Ин. 15:2); потому сказано, что имеющему еще будет дано, а у не имеющего и что было будет отнято (Мф. 25:29). Но верные "очищены через слово", которое есть Иисус. Плодоношение же наступает тогда, когда

все во всем" через Него: "Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне" (Ин. 15:4). В этом парадокс святости нашей Церкви, которая всегда обращена как внутрь, так и вовне, буквально вывернута, распахнута настезь, открыта просторам мира. Потому остается действительно приглашение: "идите и вы в виноградник мой"

(Мф. 20:4). Собирайтесь в давальню Отца. Блаженны те, из кого Виноградарь творит вино.

Церковь подобна смоковнице. Инжир – плодоносящее дерево земли обетования, на примере которого нам доносится множество смыслов, в частности, такой: надо проявлять терпение и давать другому шанс (Лк. 13:6-9) и такой: за бесплодие (особенно в символически важный момент) может последовать проклятие, и потому не стоит пренебрегать талантами, щедрой рукой розданными каждому из нас (Мф. 21:19; 25:14-30). Не только в мире, но, в первую очередь, в Церкви³ таланты верных должны быть раскрыты и приумножены, иначе с нами поступят не как с сыновьями, но рабами: "негодного раба выбросьте во тьму

³ Отсюда строгий вывод: устройство и устав поместных церквей должны быть такими, чтобы позволять раскрыться многообразным талантам членов церкви. И понятно, что привычным перечнем "служений" здесь не обойтись (а он, как правило, есть список небольшой и закрытый). Нужно практиковать более смелое раскрытие церкви миру через одарованное служение в мире истинно верных.

внешнюю: там будет плач и скрежет зубов" (там же). Церковь учит, как избежать тьмы. Церковь учит плодоносить.

Церковь подобна избранной маслине, от которой Садовник отсекает ветви и к которой прививает новые ветви диких маслин – языческих народов. Селекция давняя, начатая трудами "апостола язычников" (Рим. 11:13-24). Но и сегодня стоит помнить, что членство в собрании избранных никому не гарантировано, гордость отторгает от корня (там же), а все, что лишено корня, не имеет жизни. Такого остается лишь швырнуть в огонь поедающий. Первый, отторгнутый от Корня, – Люцифер. Первый человек, увы, пошел тем же путем. И потому над нами всеми нависает этот сценарий первоангела и первочеловека, преодолеваемый только длинной волей быть от Корня.

Церковь подобна строению (1Кор. 3:9), в котором Христос суть опорный, краеугольный камень, отвергнутый строителями: "камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла" (Мф. 21:42). Он скрепляет Собой все строение. Он Собой устанавливает некий предел, рамку, формирует угол. Он поднимает своими верными и Собой любое строение, превращая его в Дом Отца (см. Еф. 2:21). Дом Отца есть специальное помещение – такое ограниченное (очерченное) пространство, которое способно вместить Творца мира. Это невозможно, но так!

Церковь есть место, где Отец пребывает вместе с Сыном: "Мы придем к нему и обитель у него сотворим" (Ин. 14:23). Поэтому Церковь есть раскрытый миру Давир⁴. С того момента, как завеса Храма была разодрана, всякое закрытие места, где Он "сый", есть шаг назад, отступление в мир ветхозаветного прапорядка. Поэтому сокрытие алтарной части от взора верных,

⁴ Святая святых, sancta sanctorum, ἅγιος ἁγίων, кодеш ха-кодашим – самое сокровенное место Скинии собрания, а затем Иерусалимского храма; место, где хранился Ковчег Завета. Святая святых располагалась над Камнем Основания (Краеугольным камнем) Храмовой горы, на Камне стоял Ковчег Завета. Традиция считает, что именно над Краеугольным Камнем в конце VII века был выстроен мусульманский Купол Скалы. Также считается, что именно с Камня Основания Господь начал Сотворение мира. С этим Камнем символически связан Христос. Давир был местом, куда мог входить исключительно первосвященник раз в году в Судный день. И только там и тогда зашедший в Давир произносил сокровенное имя Бога – тетраграмматон, что было единственным моментом, когда имя Божье называлось вслух, при этом, согласно преданию, лицо первосвященника излучало сияние (явная реплика на лучащееся лицо Моисея, сошедшего с Синая).

практикуемое в ряде церквей⁵, есть форма недоверия Голгофскому повороту истории человечества, недооценка данного всем нам с избытком, подчеркнуто данного не в Славе и Силе, но в позоре и слабости на Кресте.

Церковь подобна кораблю, челну, ковчегу, строению на время Потопа, в котором можно пережить страшную бурю и дожидаться часа появления Новой земли. Но прежде чем укрыться, нужно

это инженерное сооружение, под гогот и издевательства окружающего мира, создать. И после с немногими взойти и отплыть. Этот образ Церкви воплощен в форме базилики – алтарем, режущим время в зафиксированном движении на восток, навстречу поднимающемуся Солнцу Правды.

Церковь подобна Скиннии. Дому Бога. Месту Его Пребывания со своим народом. Цель нашей койнонии (тесного общежития) – стать жилищем Бога, вместить Необъятного в теснину наших отношений. Апостол настаивает на том, чтобы мы благодаря Духу стали жилищем Бога (Еф. 2:22). Да мы и сами алчем этого. Ведь когда Он среди нас, мы есть; а когда Его с нами нет, то и нас нет, ибо пусто, чудовищно пусто в нас и среди нас. Но когда мы с Именем Его, когда Он упирается в наши сердца, мы живы. Краски гуще. Радость тише. И мы отныне вечно живы, сотворив из себя Скиннию Бога.

Церковь подобна кругу друзей Иисуса, где каждый (ведь заповедано всеобщее священство) обладает уникальной осведомленностью, знанием всего, будучи другом Того, у Кого все знания мира и вся власть Отца. Ведь сказано: "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Мо-

⁵ Так по сомнительным причинам в храмах на Руси произошло закрытие святая святых глухой алтарной перегородкой, а кое-где даже и стеной (такое вот конструктивное решение). Открытие царских врат стало событием; событием, осмысленным в рамках литургии, но тем не менее, всего лишь, как и в ветхозаветной истории, – событием. Такое принципиальное закрытие алтаря для тех, кто не клир, закрытие того, что стало открытым Самим Распятым, является богословским вызовом для русского православия.

его" (Ин. 15:15). Церковь потому есть собрание осведомленных, познавших и хранящих – хранящих самое ценное, после чего, по слову Учителя, можно пойти и все распродать. Потому Церковь – собрание осведомленных друзей Жениха, получивших от Него все; друзей, по совокупности знающих Путь, Истину и Жизнь – "И мир, и жизнь, и смерть, и настоящее, и будущее – все это ваше, но вы принадлежите Христу" (1Кор. 3:22-23. РБО).

Церковь подобна группе слепых, сидящих у дороги. Настолько нищей Церкви нечего терять. Потому, когда мир заставляет ее замолчать, Церковь вопиет еще громче: "Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!" (Мф. 20:30-34). Ибо знает, чего хочет и от Кого хочет: "чтобы открылись глаза наши", Господи (там же). И вопия в вере, Церковь прозревает, и неустанно следуя за Ним, – крепнет; а прозрев, окрепнув и приобретя верность, – наша еkkлeсия становится неиссякаемым источником, неослабевающей закваской мира, того самого мира, что постоянно убегает в бесконечный соблазн.

Церковь подобна небу, а ее верные – звездам. Ведь обетованно "быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире" (Флп. 2:15). Нам заповедано быть восхищенными на недостижимую высоту, быть ориентирами, маяками, светилами. По

святым Церкви, как по звездам – ориентирам надежнейшим – продолжает плавать в море житейском не одно поколение христиан. Конечно, нужда в звездах появляется, когда на небе нет Солнца. Но кто из смертных в силах непрестанно находиться на Солнце? В немощи нашей мы ищем ориентира по звездам. И рады, что Небо Церкви нашей раскинуто над нами от рождения до смерти.

Церковь подобна городу, стоящему на вершине горы. Блистающему городу, видимому со всех сторон. Церкви невозможно укрыться, переждать, остаться в стороне, она обречена быть на виду. "Вы – Свет мира. Не может укрыться город,

стоящий на вершине горы" (Мф. 5:14). Значит, нам предсказано свидетельствовать, светить, раздражать. Яркий свет – раздражает, особенно тех, кто выбрал тьму. Таких немало, поэтому Церковь в мире обречена на ненависть. Быть светильником, который во тьме светит и который тьма не объяла, – в этом пророки и служение. И потому Церковь есть и будет свидетель истинный, ибо ее свидетельство

о Замысле Отца, ее сила в Имени Сына, ее несокрушимость в поручительстве за нас Духа Святого.

Церковь подобна горнилу. В котором Сам Творец создает "в единении с Собой из двух человек одного нового" (Эф. 2:15). Нам дано такое, что вводит в искушение одних и кажется безумием другим. Евхаристия койнонии – дар ценный, дар редкий, дар жертвенный. Найти другого, готового отправиться с тобой в горнило, найти в этом другом Христа, найти в Христе и себя и другого, в единении с Единственным из двух стать одним новым, подлинным – это подобно алхимической мечте. Такой, что не праздна и не алчна, но кенотична. Если выразиться наотмашь: каждый из нас имеет шанс урезать себя так, чтобы обрести Полноту и Цельность, но сделать это придется в горниле церковного пресуществления.

Церковь подобна матери. Этот образ особенно ценим традиционной Церковью. Церковь полна материнских чувств. И не только потому что Мать на своих руках держала Главу мира ("держашая Вседержителя"), и не только благодаря участию Марии в делах начальной Церкви (незаметно, но рядом, вплоть до подножия Креста), но и тому, что Сам Сын, говоря о своих обязательствах и желаниях, пользуется образом Покрова: "Не оставлю вас сиротами; приду к вам" (Ин. 14:18). Из

этого образа извлекается идея грядущего мира, исходящего из лона Церкви-Невесты, неизбежно из невесты, становящейся матерью Нового человечества.

Церковь подобна Голгофе. Протоформа Церкви была отлита на Голгофе, где при висящем на древе Сыне остались стоять лишь женщины и юноша, когда по слову поэта: *"Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел."* (Ахматова. Requiem.) Церковь сошла с Голгофы всего лишь небольшой семьей (Ин. 19:26-27), в мертвом молчании, окаменев. В сознании остался рентгеновский снимок случившегося – Сын, Бог отныне мертв. Помыслить – невозможно. Принять – невозможно. Проговорить – невозможно. Оставалось только окаменеть. Могла и хотела ли начальная Церковь устоять и просто жить?! Что оставалось от их веры и надежды? Но Он восстал и явился. И из этого голгофского семени вышла Церковь Пятидесятницы – кирикия, наполненная голосами, языками пламени и неземной радостью.

Церковь подобна последним дням. Она практикует времена, когда Дух изольется на всех жаждущих и дождавшихся; когда все от мала до велика будут пророчествовать; когда не будет лингвистических и понятийных преград; когда "солнце в луну обратится и луна станет как кровь"; когда "всякий, кто призовет Имя Господа, будет спасен" (Деян. 2:16-21). На такое даже надеется страшно и... радостно! Ведь будет страх и трепет в каждой душе! (2:43) Но смотрящий в Лицо Грядущего наследует радость!

Кто вместит, тот и блажен. Блажен Дом, который сотрясется и станет безбоязненно возвещать Слово Жизни (4:31).

<...> Писание богато и другими экклезиологическими подобиями...

Слово второе: о Той, что не есть все то, что о Ней говорят

Дабы сказать больше о Той, о Которой говорить лицепрятно, после омифатических определений, основанных на подоби-ях, произведем апофатические суждения, задача которых указать на то, чем Церковь не является.

Нет, Церковь не государственный департамент. И ее не должно возглавлять "бумажному патриарху" (по властному выражению основателя Синода Петра Алексеевича). И не приспособлена она выполнять поручения, сообразные государственным интересам. И не дана она власть имущим в качестве опоры режима. И не предложена она народу в качестве опиума. И не попущена она ради последнего дня недели, чтобы было куда

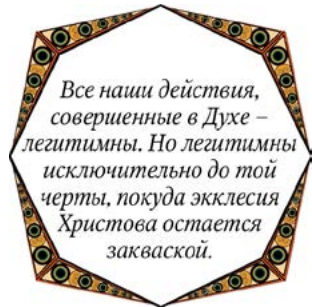

сходить всей семьей. Церковь свободна от любого – людьми и властью предписанного ей – места. Как свободен был Христос, не отвечавший на вопрошания фарисеев, уточняющих Его статус. Как безмолвен был Христос, сомкнутыми устами отвечавший на философский вопрос Пилата об алетейи (см. Ин. 18:38). Он не давал ожидаемых ответов даже перед лицом пытки и смерти. Ведь

ожидаемые ответы не позволяют Истине войти в человека. Ожидаемые ответы вредят. Получая их, человек остается прежним. А пришедший от Отца ждал от вопрошающего метанойи. Ради этого Он пришел в мир и стал доступен для неверия и вопросов. Покаянный разворот (μετάνοια) возможен, когда надменный ум спотыкается, в частности, о неожиданный ответ или раздражающее своей бессмысленностью молчание.

Церковь семиотически иная всему, что есть в мире, и, в первую очередь, мышлению государства и его аппарата. Будучи иной, наша Церковь свободна, как свободен был Христос. Мы помним Его слова, сказанные прокуратору, наместнику кесаря, представляющему высшую власть Ойкумены: "Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше" (Ин. 19:11). Потому – отдай кесарю кесарево и будь свободен с Божьим.

Нет, Церковь не богадельня. И потому не стоит ее настоятелям соглашаться с ролью, предложенной администрацией кесаря, которая уважительно отвела Церкви подобающее ей место в своих грандиозных планах безопасного и комфортного сосуществования. Не ради социальных программ жива Церковь. Искушение социальным столь же опасно, сколь и искушение властью. Образы искушения открываются нам в борениях Иисуса в пустыне, когда Сатана льстиво предлагал свои варианты страждущему Сыну Человеческому – хлеб, безопасность, абсолютную власть. Искушение только усиливается в годы служения, когда восторженная толпа и даже ученики начинают требовать Славы Грядущего. Искушение пустыни продолжается уже в наши дни, когда доносится: "Делайте за нас то, что мы уже не в состоянии делать, а вы призваны вершить – позаботьтесь о сырых и убогих"; "Кому как не церкви сосредоточиться на тех, до которых не доходят руки государства и общества"; "Пусть каждый займется своим, вот пусть церковь займется социальными программами". Таков лукавый месседж власти, обращенный к Церкви. Место выгорожено. Роли распределены. Но "Дух дышит, где хочет", потому и Церковь, движимая этим Духом, сама выбирает области своего попечения. И общество, и отношения в этом обществе, и цели этого общества, и оценка общественных инициатив, и совесть Правителя, все это – предмет вмешательства Церкви. Право Церкви возникает всегда, если только этого требует Дух, а не властная похоть епископа или дурной энтузиазм новобранца во Христе. Все наши действия, совершенные в Духе, – легитимны. Но легитимны исключительно до той черты, покуда еkkлeсия Христова остается закваской. Потому нам заповедано быть солью, а не превращаться в параллельное (пусть даже лучшее из возможных) правительство, и, тем более, никто нам не поручал становиться социальным департаментом действующего Кабинета.

Нет, Церковь не когорта многократно испытанных и ставших безупречными воинов света. И не может бравировать силою. Будучи верной, не состоит сплошь из верных. Будучи крепкой, ищет и привлекает к себе слабых. Проблема верности обострилась в Церкви после страшных гонений III века: тогда многие перед лицом пыток и угрозы смерти отпали. И перед Церковью стал вопрос: достойно их отвергнуть или вновь принять? Ответ был дан: Церковь есть сумма нуждающихся во Христе, многие

из которых вовсе не герои; не к праведным и безупречным, но к нуждающимся и падшим приходил Сын, когда "многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его" (Мф. 9:10). Да, за свои поступки ответит каждый, и непременно за те из них, что совершены в ключевые минуты испытаний. Здесь нет исключений, здесь невозможны послабления. Ответят все, даже если мало кто был готов, даже

если проявленную слабость можно и понять, и принять, даже если избранные предавали. Кто не помнит в смирении о тех, кто был с Ним рядом: "все силы тьмы сошлись на смотр, / стесняться некого – а че там; / бежал Фома, отрекся Петр, / Иуда занят пересчетом"⁶. Но не нам отдан сей суд. Нам сказано: "Мне отмщение, и Азь воздам". И посему Церковь остается открытой для падших, искривленных и нуждающихся, является милостивой к тем, кто в безумии страха отрекся от Имени Иисуса, но кто очнулся, покался и возопил... Потому Церковь по природе своей прощающая, милосердная, ибо помнит, какую мерою она мерит, такую и ей будет отмерено.

Нет, Церковь не часть общества. И не может быть ни частью общества, ни частью политического процесса. Хоть и алчет мир социологически охватить Церковь – описать, просчитать, определить, измерить, сделать частью чего-то, что наука посчитала системой, что сделала своим предметом. Хоть и сладко (теперь уже в самой Церкви) мыслить себя из-

⁶ Дмитрий Быков.

бранной частью мира сего, торжествующей над своими врагами, быть на земле как на Небе Ecclesiae Triumphanti. Еще слаще осознавать себя избранным меньшинством во всем заранее правым: ведь "Сам Дух Святой руководит нашими помыслами и высказываниями" – можно не редко услышать от иерархов. Все это – чрезвычайная надменность...

Нет, Церковь не такова! Она иное, но не частное. Она универсальна, хоть ее жизнь и ее учение всегда приземлены. Голова Церкви в Небесах, но ноги твердо стоят на земле. Закваска мала, но, чтобы ею оставаться, она не может быть частью того, что призвана заквасить. Потому она иное всему, и тем самым имеет силу стать всем для всех – "чтобы спасти по крайней мере некоторых" (1Кор. 9:22).

Нет, Церковь не лепрозорий. И не надо ее мыслить собранием прокаженных, прикованных к чудодейственному источнику в ожидании "возмущения вод". К слову, внутри самой Церкви было немало желающих предстать миру в качестве "лепрозория". Происходило это, как правило, от избыточного (а ведь мера прежде всего) хотения удалиться в бесконечные очищающие страдания, выразить себя в безупречной "нищете духа", чтобы окончательно и бесповоротно стать "не от мира сего". Схима – важная часть Традиции, но не должна подчинять своей логике поведение верных. Церкви не стоит руководствоваться известным средневековым правилом "отстранять и устраняться". Вспомним, как это было: как только страшная болезнь обнаруживалась, несчастного отводили в религиозный трибунал, который осуждал его на смерть. После чего приговоренного отводили в церковь, клали в гроб, служили заупокойную, относили на кладбище, опускали в могилу и сбрасывали несколько лопат земли со словами: «Ты не живой, ты мертвый для всех нас». Далее бедолагу вытаскивали из могилы и отвозили в специальное место, в лепрозорий, отвозили навсегда... Больше такой человек

никогда не мог вернуться в дом, в семью, в родной город, ибо для всех был мертв. Заживо мертв...⁷

Возможно это и неприятно осознавать, но приведенный отрывок – своеобразный пример чтимой традиционным христианством схимы. Осознание ужасной картины греха, переживание ада, требовало радикального решения. Схима в за-

мысле есть высший подвиг святости, который по силам немногим. Но что в нем не так? Смерть вне воскресенья в логике нашей веры есть действие незавершенное, а потому – несовершенное. Уйти от мира в схиму – это безусловно пощечина миру, но сокрушительный удар миру наносит монах, вернувшийся в мир⁸. Христианский призыв "умереть для мира" – это значит не сбежать от мира, а войти в самое сердце мира,

войти как нож, глаголом жгя сердца людей. Отчуждение от мира вне его оплодотворения (а оплодотворить можно лишь то, в чем ты присутствуешь) есть малодушие. Христос создавал не *кирикию* чернецов, а действующую в мире *эклесию* миссионеров – иных и инаковых, обрезанных сердцем, но иных ради Бога, Того Самого Бога, Кто стал плотью в мире *плотно-сбитого-греха*. Эклесия миссионеров рождалась не ради бегства, не ради схрона, но ради приведения всего сущего к должному, всего творения к его истоку. Для этого надо оставаться в мире и действовать. Видеть и исправлять. Потому Церковь не лепрозорий у чудодейственного источника, но действующее сыновство в бесконечной Мощи Отца, владеющего всем творением во всей Вселенной в вечности и в каждое время.

Нет, Церковь не клуб солидных дам и господ. И Пелевин это высмеял в бойкой рекламной фразе: "*Солидный Господь для солидных господ*". Но ведь правда, что у иного церковного владыки автопарк, служба безопасности или сакральные бирюльки на

⁷ Горелова Л. Е. Лепру лечили смертью (из истории борьбы с проказой) // Русский медицинский журнал. – 2001. Т. 9, #23

⁸ Таким видят протестанты Лютера. И на это указывает Бонхёффер, говоря, что уход Лютера из монастыря обратно в мир был самой грозной атакой на мир.

холеном теле указывают на жажду именно такой солидности. Эти *господа* воображают себя "авраамами", стократно благословленными "тучными стадами". Но только не по вере им все это дано, а по положению в пирамиде власти (которую они еще и умудряются обосновывать трудами Дионисия Ареопагита). Но! Сын плотника, рожденный в хлеву, клуб солидных господ не основывал и апостолам Своим основывать не заповедовал. Потому мы и напеваем простенький мотив: "*А Наш-то на ослике – цок да цок. Навстречу смерти своей...*"⁹. Туда, где нет никакой солидности. Где полное отсутствие лоска.

Нет, Церковь не собрание святых. Блаженных фантазеров, возомнивших себя и свою группу поддержки (есть немало такого типа приходов), уже совершенными святыми хочется остудить. Всем "озаренным" и "просветленным", начитанным и крепко подкованным, стоит стремиться не вверх, а вниз – погрузиться в жизнь и трения обычного прихода, и там самим все понять. Картина будет примерно одна и та же, что в глухой, нищей, пьющей и вопящей от безысходности провинции, что в подпольном, канонически строгом и морально безупречном братстве, что в утопающем в золоте столичном храме, находящемся на балансе богобоязненной мэрии. Везде лукавый отведенное ему время за зря не тратит. Везде полно квазисвятых, во многих местах сложно даже попасть в собрание верных (собственно – *эклесию*), но зато и там и тут полно алчущих и жаждущих. Везде наряду с Духом дышит, пульсирует и борется за жизнь плоть и кровь. Такая Церковь обескураживает всякого искреннего новоиспеченного христианина. – Где обещанная Святая Церковь?! – Извините, ради Бога, но это и есть *Церковь*¹⁰. Потому и мы, вслед за апостолом, признаемся и не стесняемся, что и сами "в немощи и в страхе и в великом трепете" (1Кор. 2:3).

Нет, Церковь не покидает мир, стяхивая прах со своих ног. И не уходит вдаль подальше от греха. И не сторонится мира и его тягот. Терпимость и милосердие Иисуса проявились не в уходе

⁹ Тимур Кибиров.

¹⁰ Хорошо про это сказано Ратцингером: «Церковь живет лишь в нас самих, живет борьбой несвятых за святость, разумеется, коль скоро эта борьба сама живет даром Божиим, без которого она ничем быть не может.» (Ратцингер, Йозеф. «Введение в христианство.» iBooks.)

из собрания нечестивых, а в сближении с грешниками, которых Он Сам сердечно привлекал к Себе. Это было сближение радикальное – вплоть до того, что Он Сам сделался «грехом» и понес проклятие и казнь от закона (Ср.: 2 Кор 5:21; Гал 3:13). "Принимая грех на Себя, делая его Своею участью, Христос открывает нам, что есть истинная святость: не обособление, но соединение, не осуждение, но спасающая любовь", – говорит Ратцингер.¹¹ – "И не есть ли Церковь попросту продолжение этого нисхождения Бога в человеческое убожество, продолжение трапезы Иисуса с грешниками?". Церковь, нисходящая в ад человеческого безумия, человеческой усталости, человеческой безысходности. Церковь ни над чем не торжествующая, но только служащая, омывающая ноги всякому, стоящему в самом низу. И потому сообщество людей, распоряжающееся пространством ритуальной чистоты и устанавливающее правила поведения "грешника в святом месте", есть все что угодно, но только не община простецов, идущая за сыном плотника на Голгофу.

Нет, Церковь не ради мира и его спасения. Но ради того, чтобы, расплескавшись от края до края ("идите и научите все народы"),

таинственной силой собраться в Царство Сына – собраться не в Царстве уже кем-то без нас установленном, но самим собраться в Царство, соединившись непреодолимой силой единства в Сыне. Мы – камни живые этого Царства. И мы соберемся и произведем устройство вопреки миру и его интересам. Все то, что грядет, соберется под Новым Небом на Новой Земле. И потому ни у мира, ни у князя мира, ни у духа князя мира сего нет никакой силы над Церковью. И потому врата ада не одолеют ее. И потому мир ради Церкви, а не Церковь ради мира.

Нет, в Церкви нет страха. Ни перед гонениями кесаря, ни перед косою смерти. Не может быть страха в Той, у кого единственный подлинный страх – это ужас утраты богообщения. Когда Дух наполняет верующего от края до края, в нем есть все,

¹¹ Там же у Ратцингера.

но нет страха. Нелогично, но верно. Церковь крепка теми, кто держит пост, кто остается на посту, кто не прячет глаза, кто не девальвирует совесть, кто не потворствует благоразумию, кто остается стоять с ровной спиной, когда стоять уже невозможно, то есть теми, кто оставил страх врагам Церкви.

Есть два рода стояния. Наподобие свечи, ради горения в вечности, чтобы оставаться светом своего времени; оно подобно океану, который не утратит своей солёности в века. И есть другое стояние, которое случается по службе или приливу подбострастного счастья. Хорошо сказал об этом Бродский: *"Когда он входит, все они встают./ Одни – по службе, прочие – от счастья..."*¹²; у поэта "счастье" – эвфемизм раболепного страха перед тираном: липкий животный страх, такой, что отрицает в сути своей человеческое. Испытывающие подобные состояния – уже не люди, хоть и прямоходящие.

В Церкви же не будет страха ни перед миром, ни перед князем, ни перед смертью, ни перед орудием смерти. Ибо Церковь собрана у Голгофы, у древа, воткнутого в Череп Адама. Она собрана у пронзенных ног Того, Кто после глумлений – распят. Задумайся, твой Бог распят! Можно ли после *такого* чего-либо бояться? Потому в верных нет страха; нет, ибо Бог их будучи мертв – воскрес!

Нет, Церковь не организация. И не стоит мерить её эффективностью. И глупо сводить её к юрлицу. Последуем вслед ратцингеровской мысли¹³: Церковь по преимуществу не там, где организуют, управляют, оптимизируют, проводят реформы; она в тех, кто просто и искренне верует, и приемлет в ней неброский дар веры, питающий обыденную и приводящий в вечную жизнь. И лишь тот, кто познал, как за мелькающей сменой служителей, обрядов, канонов и предписаний Церковь ободряет души людей, дает блуждающим во тьме отечество – то отечество, которое есть надежда и шалом, предлагает путь – тот

¹² Одному тирану. 1972.

¹³ Там же у Ратцингера.

путь, который ведет к вечной жизни, – лишь тот, кто все это познал, впитал, принял, лишь он знает, что такое Церковь.

Но все это не значит, что в Церкви нет управления или что оно есть, но при этом не может быть к нему никаких претензий. Мол, что есть, то есть, возблагодарим же за то, что есть. Но нет! Дом Божий устроится и требует достойного управления. Куда более достойного, чем дом фараонов. Ветхозаветный Иосиф задал пример управления домом фараона

в Боге. Ключинская реформа, готический собор – другой пример высокого образца организации пространства и быта на основе богословии Света. В те времена, которые Просвещение назвало "темными", архитектурная и теологическая мысль достигала редких вершин. Это была целая эпоха, когда монастырское хозяйство и монашеская

библиотека были передовыми институциями и обеспечивали трансляцию культуры и мышления сквозь века. Потому Церковь учит и организовывать, и управлять, и оптимизировать, но так, чтобы, организуя – оставлять место действию Духа, управляя – соотносить цели и задачи с замыслом Отца, оптимизируя – опустошаться самому как опустошился безупречный Христос.

Нет, Церковь не иерархия. Она не упорядоченная и святою печатью не скрепленная иерархия чинов¹⁴, но место, где каждый для каждого и все во всех. Церковь есть братство принципиально равных. Церковь суть отара, при которой Единый пастырь есть. Почему не иерархия? Да как она возможна при "царственном священстве" всех верующих¹⁵? Как возможна иерархия, когда "последние станут первыми"? Как она возможна среди членов живого Тела? Кто в таком случае значимее – рука,

¹⁴ А как же сказанное Дионисием Ареопагитом об иерархии? Так Дионисий и сам практиковал апофатическое богословие, ибо полагал, что любое положительное утверждение о Боге обязано быть поддержано суждением отрицательным. И что с этих двух сторон и нужно осуществлять встречное движение к непостижимой Тайне. Потому нет никаких оснований отменять данный принцип по отношению к тому, что установлено Самим Христом – к Его Церкви.

¹⁵ С раскрытием этой тезы можно ознакомиться в авторской статье "Живые камни всеобщего священства" // Философско-религиозная тетрадь #7.

нога или какая иная часть тела? Потому не стоит поддаваться начальственным страхам: Церковь, даже будучи включенной в "небесную иерархию", по преимуществу не есть иерархия!

Нет, Церковь не вместилище Традиции. За этим стоит идти в музей, библиотеку, архив, записаться в фольклорный кружок, отправиться на курсы вязания бабушкиным крючком. Церковь, в которой побеждает Традиция, ничем не отличается от религиозной ситуации книжников и фарисеев, порочащих непонятого ими Христа. И фарисеи, и саддукеи были рафинированными носителями великой Традиции – преготовительницы прихода Спасителя мира, и именно с этой позиции они проворонили Жизнь – лишили самих себя Того, Кто в Себе и для всех был Жизнью.

Иисус ясно и жестко с самых первых столкновений [с ними] давал понять, что Он не вольет молодое вино Учения и ветхие мехи Традиции, ибо ничего, кроме общей потери, не случится. Поэтому Церковь покуда остается Телом Распятого есть вместилище живого Слова; полна Крови, не когда-то, но ныне и присно сочимою за нас; она дом Духа, дышащего, где хочет и Го-

лоса глаголящего, что хочет. Никогда не угадать, что именно будет сказано. Бог – не тривиален. Его Дух и Его Глас никогда не пленить, ни за что не втиснуть в отведенное благочестивое место, умом ученым не опредметить и не зафиксировать в качестве завершенной кодифицированной Традиции. Можно только быть готовым слушать и слышать, идти во след и обращаться на зов.

Потому Тело Христово – вместилище не традиции, но народа – народа избранного, народа, движимого Духом Святым.

Нет, Церковь не судилище. И не ее эта судьба выносить приговоры и лязгать затворами. Ясно сказано "ничему не выносите приговор до времени, пока не придет Господь" (1Кор. 4:5). Он выведет

на свет все, что скрыто временно во мраке. Он сделает явными самые потаенные помыслы (там же). Сила воскрешения такова, что все проявится, все проступит, все приобретет еще большую силу существования. Никто и ничто не в силах бесследно сгинуть. Воистину грядет *всеобщее* воскрешение. Грядущий не забудет ни о ком и ни о чем. И Он в тот страшный день будет нелицеприятен. Вот тогда каждый получит от Бога свою похвалу и свою хулу. Судящий же раньше срока – сам судим. Воздерживающийся ради Пославшего (а покуда суть да дело, снимающий и последнею рубаху) – не судим и на Последнем Суде. Церковь жжет глаголом и ласкает надеждой, не нуждаясь в суде; заквашивает, пропитывая тесто мира, осаливает, беззаветно растворяясь в океане служения. И мир никуда не денется, ибо прогоркнет без соли. Церковь остается Преломляемым Телом, покуда помнит слова Учителя: кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8:7). И потому Церковь принимает покаяние и одаривает евхаристической причастностью, а суд отложила до Второй Парусии (*παρουσία*).

Нет, Церковь не на стороне закона. Благодать поверх закона. И так установлено, что лишь благодать очерчивает границы места, отведенного Церкви. Поэтому, когда благодати в церковной общине нет – нет и Церкви, ибо такое безблагодатное собрание обычных людей превращается в самое душное и затхлое сообщество из всех возможных, которое со своей претензией быть не от мира сего – даже хуже всего, что в мире есть, ибо Церковь вне благодати – всего лишь скопище законников и обрядоверцев, надменно мнящих себя заведомо спасенными и, более того, лишаящими спасения истинно ищущих и алчущих.

Потому Церковь не на стороне Закона, ибо во Христе умер и Закон.

